

УДК 342.4

Е. А. Закоморная,
канд. юрид. наук, доцент
Национальный университет
«Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого»,
г. Харьков

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «КОНСТИТУЦИОННЫХ ПЕРЕХОДОВ» В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Рассмотрена концепция конституционных переходов Х. Линца и А. Степана. Раскрыты особенности реконституционализации в постсоциалистических странах Восточной и Северной Европы. Обоснована причинно-следственная связь между уровнем общественного согласия на фазе разработки и принятия новой конституции и степенью нормативности основного закона.

Ключевые слова: концепция конституционных переходов, конституция, нормативность основного закона, общественное согласие, реконституционализация, постсоциалистические страны Восточной и Северной Европы.

Одним из магистральных направлений современных политологических и правовых исследований является анализ поставторитарного развития государств. В течение 2-х последних десятилетий особое внимание зарубежные и отечественные ученые (Г. Вайнштейн, Л. М. Герасина, О. Г. Данильян, Ю. Д. Древаль, А. Лейпхарт, А. Мазманиян, В. Новакова, Д. Сартори, А. Степан и др.) уделяют специфике течения демократических преобразований на постсоциалистическом пространстве. Изучая природу социальных сдвигов этапа переходного общества, большинство ученых видят основной закон государ-

ства центральным элементом системы трансформационных мероприятий. В частности, они подчеркивают, что конституция является системой ценностей и планом правового оформления жизни социума (К. Хессе), правовым порядком процесса государственной интеграции (Р. Сменд, Г. Неллер), проектом, ограничивающим и рационализирующим власть и гарантирующим свободу политической жизни (Х. Эмке), юридической формой защиты и минимизации потерь индивидов (Дж. Бьюкенен и Г. Таллок), юридической формулой отражения философии права определенной эпохи (А. М. Медушевский) и т. д. [См.: 1, с. 57 – 63; 8, с. 20, 15, с. 20].

Несмотря на важность политического аспекта общественной жизни, содержащегося в основном законе, исследователи, как правило, убеждены, что конституция большей степенью является законом, нежели фундаментом политической конфигурации, поскольку именно она определяет, так сказать, «правила игры», а не победителей или побежденных и выделяет контуры политики, а не ее содержание [1, с. 15].

Мы согласны с мнением А. М. Медушевского, что указанное назначение верховного закона чрезвычайно актуализируется во время деконституционализации (отмены старой конституции) и реконституционализации (введения новой). Ведь эти фазы в большей степени определяют суть правового, в первую очередь, конституционного развития [7, с. 59, 64]. Ученые признают сам по себе факт принятия конституции и фактором положительного влияния на различные стороны жизнедеятельности человека, в том числе и на социально-экономическую, и шагом к демократической организации общества, поскольку любой основной закон в той или иной степени предусматривает ограничение (самоограничение) государственной власти, создание возможностей саморегуля-

ции общественных институтов и учреждений [См.: 6; 55; 10]. Понимание эпохальности этих событий ставит перед создателями конституции сложный вопрос: каким образом сбалансировать в ее тексте стремления различных слоев населения и интересы ведущих «политических игроков», сохранив при этом дух справедливости и реальность конституционных норм. В Украине на современном этапе выполнение этих непростых задач возложено на Конституционную Ассамблею [12]. Поэтому, считаем, что выводы, сделанные американскими учеными Х. Линцем и А. Степаном на основании анализа подобных процессов конца XX в., помогут избежать стандартных ошибок, возникающих в ходе существенных трансформаций конституционного пространства.

Учитывая это, целью данной публикации ставим анализ концепции Х. Линца и А. Степана о так называемых «конституционных переходах», освещение особенностей моделей реконституционализации в постсоциалистических странах Восточной и Северной Европы, выявление причинно-следственной связи между вариантом «конституционного перехода» и нормативным влиянием основного закона.

Упомянутые ученые на примере стран Латинской Америки и Южной Европы выделяют 6 ключевых моделей «конституционных переходов» [7, с. 81, 82]. По нашему мнению, их рассмотрение способно объяснить специфику конституционных преобразований и возникновения конституционных казусов в постсоциалистических странах Восточной и Северной Европы. Обнаруженная Х. Линцем и А. Степаном модель сохранения на время функционирования основного закона авторитарного режима характеризуется как положительными, так и отрицательными последствиями. С одной стороны, действие предыдущей конституции обеспечивает определенную преемственность в развитии политической системы, а с другой – одновременно таит опасность так называемого «эффекта парализации» перехода к демократии. Надежные результаты реформ на почве старого основного закона перспективны только в случае их ограниченного проведения или при наличии в стране глубинных традиций конституционализма [6, с. 45].

Ярким примером подтверждения приведенной гипотезы является конституционный опыт Венгрии, где обществен-

ная дискуссия о перестройке социума воплотилась в частичную ревизию Конституции 1949 г. (она действовала до 1 января 2012 г., когда вступил в силу новый Основной закон государства). Несмотря на то, что эта страна является членом ЕС и Совета Европы, венгерская и мировая общественность оценила нынешнюю Конституцию, как откат к авторитарному прошлому. Показательно, что Верховный закон был разработан и принят консервативным парламентским большинством в рекордные сроки, оппозиция не была даже допущена к процессу его разработки и принятия. По мнению аналитиков, положения новой Конституции обеспечивают правящей партии ФИДЕС (Венгерский гражданский союз) возможность концентрировать власть в будущем [17]. В частности, требование собрать квалифицированное большинство для принятия важных законов, право Бюджетного совета наложить в любое время вето на принятый парламентом закон о государственных доходах и расходах, прерогатива Президента распустить законодательное учреждение, если оно до 30 марта не утвердит очередной годовой бюджет, радикальные изменения организации работы Конституционного суда и прочее фактически уничтожают

набор институтов достижения так называемого социального решения [18].

В этой связи заметим, что в доктрине закрепились точка зрения, согласно которой демократия предоставляет средства, агрегирующие предпочтения индивидов в групповое решение. Нормативными критериями социального решения признаны нейтральность, анонимность и единство. Профессор политической науки Университета Осло Я.-Е. Лейн подчеркивает: чтобы при принятии социальных решений учитывались названные критерии, не следует соглашаться ни с голосованием квалифицированным большинством, ни с единодушием или индивидуальным вето, ни с диктатурой, ни с какими-либо правилами кворума [5].

Стоит отметить, что устойчивое демократическое правление требует: а) фиксации «скромных ценностей, способных расхолаживать расовую, этническую, религиозную и иную рознь», б) ограничение власти большинства в судебном порядке, в) предоставление каждой этнической группе право налагать вето на репрессивные меры группы [16, с. 1660]. Указанная процедура принятия нового Основного закона Венгрии и содержание его новелл закладывают механизмы, кото-

рые в состоянии нарушить баланс в системе минимальных демократических институтов и вообще поставить под угрозу существование конституционной системы правления. Вполне вероятно что, эта Конституция 2011 г. стала отражением отсутствия устойчивого консенсуса в венгерском обществе. С точки зрения исследователей, последние события (например, скандал по поводу аудиозаписей премьер-министра, вызвавший многодневные демонстрации и беспорядки в Будапеште) свидетельствуют о существовании глубинных проблем процесса консолидации социума [1, с. 95]. Отсюда понятной становится и оценка действующей Конституции как не опирающейся на широкий социальный и политический консенсус [4].

Согласно рассматриваемой концепции о «конституционных переходах» обновление предыдущего демократического основного закона позволяет избежать споров о конституционных альтернативах и тем самым быстро решить проблему легитимации новой власти, что отнюдь не способствует установлению связи с действительностью. Данная модель реконституционализации потенциально может привести к потере возрожденным основным законом его нормативной силы. Уровень норматив-

ности конституции обусловлен как связью с развитием общества, спонтанными силами и существующими тенденциями, так и с решимостью участников конституционной жизни реализовать ее содержание на практике [15, с. 38]. Это конституционное качество очень существенно, поскольку гарантирует длительную сбалансированность правового порядка.

Приведенную модель «конституционного перехода» в постсоциалистическом регионе демонстрирует опыт стран Балтии. В бывших советских прибалтийских республиках наряду с решениями об устранении из истории основных социалистических законов и восстановлении довоенных демократических конституций были приняты постановления о разработке новых верховных законов. Эти шаги имели целью подчеркнуть:

1) возрождение независимости государств. По справедливому утверждению В. Синкявичуса, регенерация Конституции Литвы 1938 г. является символическим шагом, означавшим восстановление исторической справедливости – ренессанс независимого государства [13, с. 43];

2) избрание стратегии преемственности собственного либерального опыта конституционного правления и отказ

от советской системы государственности. В частности, в постановлении Верховного Совета «О конституционном развитии Литовской Республики» (1991 г.) провозглашалась задача разработать новую Конституцию с соблюдением исторической преемственности и отражением новых общественных отношений. Логическим продолжением принципа преемственности является и текст преамбулы этого Основного закона, одобренного на референдуме в 1992 г.: «... Народ учреждает правовой фундамент государства на Литовских уставах и Конституциях Литовской Республики» [3];

3) осознание необходимости выработать основной закон, который отражал бы реальное состояние общественных отношений. В этой связи стоит привести мнению профессора сравнительного законоведения и международного права университета Лапландии С. Нистен-Хаарали, что политики и законодатели Эстонии понимали невозможность в современном, более прогрессивном (с точки зрения демократии) мире реставрировать довоенные конституции, особенно если страна стремится в Европейское сообщество [10, с. 159].

Среди других вариантов «конституционных переходов»,

предложенных Х. Линцем и А. Степаном, особого внимания заслуживает модель свободного принятия нового основного закона, основанного на народном выборе, который воплощается в работе конституционной ассамблеи или проведении референдума. В отличие от рассматриваемых ранее стран, новая Конституция Болгарии была принята практически сразу (в 1991 г.) после так называемой «бархатной революции». Непродолжительность и относительная неконфликтность периодов деконституционализации и реконституционализации объясняется, в частности, глубокими корнями конституционных традиций государства. Например, конституционная история Болгарии насчитывает 7 Великих народных собраний (1879, 1881, 1886 – 1887, 1893, 1911, 1946 – 1949, 1990 – 1991 годов). В 1990 г. Народное собрание (парламент страны) внес поправки к социалистическому Основному закону 1971 г., которые отменили ведущую роль коммунистической партии и ввели принцип плюрализма всех сфер жизнедеятельности общества. Вводилось положение о необходимости разработки Великим народным собранием проекта новой Конституции. В развитие данной конституционной нормы в этом же году парламент при-

нял Закон «О выборах в Великое народное собрание» [2]. Работу болгарской конституанты ученые расценивают как старт демократической консолидации социума. Например, М. Милова называет Болгарию единственной страной Восточной Европы, связавшей первые демократические выборы с подготовкой новой Конституции [9]. А по мнению Х. Линца и А. Степана, даже фиктивные конституции в условиях настоящих выборов становятся реальными [Цит. по 6, с. 45].

Приведенная практика реконституционализации свидетельствует о наличии в постсоциалистических государствах Восточной и Северной Европы процессов, характерных и для моделей «конституционных переходов», выдвинутых Х. Линцем и А. Степаном. Вместе с тем вполне логичной является тенденция некоторого отклонения от, так сказать, «классических вариантов», предложенных учеными. Возникновение собственных конституционных казусов в этих постсоциалистических странах вызвано многими факторами: ведь специфика «конституционных переходов» порождена необходимостью создания системы гарантий нормативной силы основного закона, действенность которого непосредственно зависит от

уровня достижения политического единства на момент его разработки. На чрезвычайность формирования более-менее монолитной позиции различных «политических актеров» в процессе реконституционализации указывает и утверждение специалистов, отстаивающих постулаты теории индивидуализма. К примеру, Я. И. Заславский, анализируя на страницах монографии это учение, заключает: несмотря на то, что представители теории индивидуализма отрицают идею так называемой общей воли, они считают необходимым оперировать правилами единодушия на стадии принятия конституции, без чего невозможно создать реальный основной закон [1, с. 57-63].

В то же время закрепление в основном законе уступок за неимением настоящего согласия и свободы выбора участников не приносит положительных результатов. Еще Ф. Лассаль подчеркивал бесполезность такой юридической конституции и предрекал победу фактической [цит. по 10]. По оценке исследователей, проведение «круглых столов» в странах Восточной Европы, в рамках которых отрабатывались прецеденты компромисса, обеспечило пребывание «переходного процесса» в легальных

рамках. Вместе с тем главной целью субъектов переговоров между различными политическими силами стало обеспечение собственного выживания [1, с. 90, 123]. Это объясняет присутствие в большинстве конституций постсоциалистических государств непоследовательных, даже противоречивых положений, наличие которых не способствует эффективности конституционного регулирования. Болгарский ученый С. Стойчев подчеркивает, что Конституция 1991 г., как воплощение компромисса между различными политическими силами, представленными в Великом народном собрании, содержит внутренне двойственные формулировки. В качестве примера правовед приводит ст. 8 Основного закона Болгарии, которая устанавливает общепринятый принцип разделения властей, но дальнейший анализ конституционных текстов раскрывает ряд несоответствий в механизмах его реализации [13, с. 91].

В то же время, подчеркнем, указанные противоречивые конституционные предписания не стоит отождествлять с так называемыми «конституционными антиномиями», характерными для всех основных законов, поскольку внутренний конфликт

объективно выходит из противоречий норм о национализации и праве собственности, о светском характере и свободе совести и др. [8, с. 21]. По замечанию ученых, для любой либеральной модели конституционализма противоречия – это неизбежное условие, ибо конфликт между конституцией и обществом, идеалом и реальностью, а также предотвращение принуждения большинства становится важной и неотъемлемой частью каждой конституционной политики, стремящейся к выражению национальной идентичности [16, с. 1657].

Приведенные рассуждения позволяют сделать парадоксальные выводы. Во-первых, уровень дальнейшего нормативного влияния основного закона на общественные отношения зависит непосредственно от достигнутого консенсуса между различными политическими силами и уровнем их единства на момент формирования содержания конституции. Во-вторых, чем больше «политических игроков» участвует в процессе поиска компромисса, тем больше норм последней будут содержать нечеткие и неоднозначные формулировки. В-третьих, возникает проблема разъяснения некоторых разногласий, решение которых в

демократических странах возлагается на институт конституционного контроля. Осуществляя официальное толкование положений основного закона, органы конституционной юрисдикции таким способом могут преобразовать его содержание без непосредственной ревизии текста. Следовательно, на этапе «конституционного перехода» право конституционного судопроизводства интерпретировать верховный закон, позволяет, с одной стороны, минимизировать разрыв между конституционной теорией и практикой, с другой – может привести к потере реальных принципов конституционного правления и ослаблению нормативной силы этого закона.

Подытоживая изложенное, отметим, что в постсоциалистических странах Восточной и Северной Европы основной закон государства является центральным элементом системы трансформационных мероприятий жизни общества и государства. Фазы деконституционализации и реконституционализации определяют суть правового развития страны, поскольку достигнутый на них уровень общественного согласия относительно закрепления направлений внутренней и внешней политики воздействует на нормативность основного

закона. Исследование течения аннулирования старой конституции и введения новой предоставило возможность Х. Линцу и А. Степану предложить концепцию «конституционных переходов», которая, в свою очередь, помогает осмыслить особенности подобных процессов, произошедших в странах Восточной и Северной Европы в конце XX в.

Избрание в Венгрии варианта сохранения авторитарной Конституции обеспечило переходному периоду временную институциональную стабильность. Впоследствии эта стратегия спровоцировала преобразования конституционных положений в фиктивные и вызвала обострение споров относительно установления новых общих правил политической игры, что со временем вылилось в акт принятия недемократического Основного закона.

Восприятие странами Балтии модели регенерации, так сказать, «досоветских конституций» помогло возродить и развить собственные и

общепризнанные либеральные ценности, хотя и угрожало отрывом конституционного процесса от реальности.

Принятие конституантой нового болгарского Основного закона в начале переходного этапа помогло консолидации социума и обозначило четкие правовые рамки дальнейшей политической борьбы. Вместе с тем ограниченные временные рамки и не всегда честные намерения участников болгарского конституционного процесса не позволили политическим оппонентам сформировать по-настоящему единое мнение относительно различных проблем государственного управления. В связи с этим нормам Конституции Болгарии присущи некоторая неопределенность и противоречивость. В такой ситуации правильность толкования конституционных предписаний зависит непосредственно от эффективности работы органа конституционного контроля, который в состоянии влиять на степень нормативности основного закона.

Список литературы: 1. Ваславский Я. И. Конституционные условия для демократии: Сравнительный анализ: моногр. / Я. И. Ваславский. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 192 с. 2. Закон за избирание на Велико народне събрание // Офіц. вебсайт Народних зборів [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.parliament.bg>. 3. Конституция Литовской Республики 1992 г. // [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.3.lrs.lt.pls/12.09.2009.12>. 4. Лемак В. Конституционная перезагрузка в условиях кризиса: венгерский рецепт для Украины / В. Лемак // Зеркало недели. Украина. – 2012. – № 13 // [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://zn.ua/POLITICS/>. 5. Лэйн Я.-Э. Демократия и конституционализм / Я.-Э. Лэйн // Полис

. – 1998. – № 6 [Electronic resource]. – Режим доступу: <http://www.polisportal.ru/> 6. *May B. A.* Конституционно-правовые преобразования и экономические реформы / В. А. Май // Обществ. науки и современность. – 1999. – № 5. – С. 45 – 55. 7. *Медушевский А. Н.* Сравнительное конституционное право и политические институты: курс лекций / А. Н. Медушевский. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 512 с. 8. *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов: моногр. / А. Н. Медушевский. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с. 9. *Мілова М.* Роль виборів у політичних процесах сучасної Болгарії / М. Мілова [Electronic resource]. – Режим доступу: <http://www.politik.org.ua>. 10. *Нистен-Хаарала С.* Сравнение политических органов конституций России и балтийских стран – культурная обусловленность и стечение обстоятельств / С. Нистен-Хаарала // Мир России. – 2004. – № 3. – С. 131 – 160. 11. *Овселян Ж. И.* Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции / Ж. И. Овселян // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 24 – 36. 12. Про Конституційну асамблею: Указ Президента України № 328/2012 [Електрон. ресурс]. – Режим доступу: // <http://www.president.gov.ua/documents/14752.html>. 13. *Синкявичюс В.* Восстановление права собственности на национализированное имущество: опыт Литовской Республики / В. Синкявичюс // Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 36 – 53. 14. *Стойчев С.* Конституционно право на Република България. – [В 2-х ч. Ч. 2.] / С. Стойчев. – София: Ciela, 2000. – 350 с. 15. *Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ: моногр. // К. Хессе. пер. с нем. Н. А. Сидорова. – М.: Юрид. лит., 1981. – 368 с. 16. *Forbath W. E., Sager L.* Comparative Avenues in Constitutional Law: An Introduction // Texas Law Review. – 2004. – Vol. 82. – P. 1654 – 1669 [Electronic resource]. – Режим доступу: <http://www.texaslrev.com>. 17. Fundamental Law of Hungary [Electronic resource]. – Режим доступу: <http://www.parlament.hu/>. 18. *Scheppele K. L.* Hungary's Constitutional Revolution [Electronic resource]. – Режим доступу: <http://krugman.blogs.nytimes.com/2011/12/19/hungarys-constitutional-revolution/>.

ПРО ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ «КОНСТИТУЦІЙНИХ ПЕРЕХОДІВ» У ПОСТСОЦІАЛІСТИЧНИХ КРАЇНАХ СХІДНОЇ Й ПІВНІЧНОЇ ЄВРОПИ

Закоморна К. О.

Розглянуто концепцію конституційних переходів Х. Лінця й А. Степана. Розкрито особливості реконституціоналізації в постсоціалістичних країнах Східної й Північної Європи. Обґрунтовано причинно-наслідковий зв'язок між рівнем суспільної злагоди на фазі розробки і прийняття нової конституції і ступенем нормативності основного закону.

Ключові слова: концепція конституційних переходів, конституція, нормативність основного закону, суспільна злагода, реконституціоналізація, постсоціалістичні країни Східної й Північної Європи.

ABOUT SOME FEATURES OF THE «CONSTITUTIONAL TRANSITION» IN POSTSOCIALIST COUNTRIES OF EASTERN AND NORTHERN EUROPE

Zakomornaja E. A.

The concept of the constitutional transition by J. Linz and A. Stepan has been proved. The features of reconstitutionalization in postsocialist countries of Eastern and Northern Europe have been exposed. The causal link between the level of social harmony at the stage of the development and adoption of a new constitution and the degree of normativity of the Supreme Law has been substantiated.

Key words: the concept of the constitutional transition, the constitution, the normativity of the Supreme Law, the social harmony, the reconstitutionalization, postsocialist countries of Eastern and Northern Europe.

Поступила в редакцію 18.09.2012 г.